

БОЛЬШОЙ  
РОМАН

ХОСЕ КАРЛОС СОМОЗА

ДАМА  
НОМЕР  
13

Издательство «Иностранка»  
МОСКВА

УДК 821.134.2  
ББК 84(4Исп)-44  
С 17

José Carlos Somoza  
LA DAMA NÚMERO TRECE  
Copyright © José Carlos Somoza, 2003  
All rights reserved

Перевод с испанского Елены Горбовой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

**ISBN 978-5-389-13356-3**

© Е. Горбова, перевод, 2017  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2017  
Издательство ИНОСТРАНКА®

## Оглавление

I.	Сон .....	11
II.	Дом .....	31
III.	Вход .....	45
IV.	Дамы .....	83
V.	Фигурка .....	113
VI.	Ракель .....	161
VII.	Раушен .....	187
VIII.	Свидание .....	227
IX.	Усадьба .....	241
X.	Допрос .....	267
XI.	Мальчик .....	293
XII.	Пробуждение .....	311
XIII.	Дама номер 13 .....	375
XIV.	Окончательное отторжение .....	419

I

COH

Тень скользила между деревьев. В густых кустах и ночной тьме тень казалась бестелесной, но это был молодой человек — волосы длинные, одет просто. Выйдя из зарослей, он остановился. Постояв немного, как будто хотел убедиться в том, что путь свободен, он двинулся через сад по направлению к дому. Дом был большой, фасад его украшала белая колоннада в греческом стиле. Человек поднялся по ступеням на галерею, с невозмутимым спокойствием проник в дом, прошел, не включая света, по коридору первого этажа и остановился перед закрытой дверью первой спальни. Здесь он вынул из кармана один из тех предметов, что были у него с собой. Дверь бесшумно отворилась. Кровать, что-то на ней, в ворохе простыней, звук дыхания. Он вошел, подобный туману, проник легче, чем наплывающий кошмар, приблизился к постели и разглядел руку, щеку, закрытые глаза спящей девушки. Тихонько сместил ее руку и за миг до ее пробуждения приподнял ее изящный подбородок, открыв обнаженную шею, россыпь родинок, пульсирующую под кожей жизнь; коснулся острием предмета в руке некой точки на шее и надавил легким и точным движением. След, похожий на рассыпанные красные лепестки, потянулся за ним до второй спальни, где спала другая женщина. Когда он вышел оттуда, руки его стали совсем мокрыми, но он их не вытер. Пошел обратно по коридору, разыскивая лестницу на второй этаж.

Он знал, что наверху — его главная жертва.

Лестница привела его в другой коридор — довольно короткий, с ковром на полу и бюстами классиков по сторонам. Тень идущего человека поочередно наползала на бюсты Го-

мера, Вергилия, Данте, Петрарки, Шекспира — безмолвных и недвижных в мертвом камне, ничего не выражающих, как отрубленные головы. Он дошел до конца коридора, потом пересек холл, освещенный волшебным зеленым светом, который испускал водруженный на деревянную подставку аквариум. Вещь заметная, но он не остановился. Распахнул двойные двери рядом с аквариумом, и свет фонарика высветил люстру под потолком, два кресла и кровать под балдахином. На постели — нечеткие контуры тела. От резкого движения, сорвавшего простыни, человек проснулся.

Это молодая девушка с коротко стриженными волосами и тонкой, даже хрупкой, фигурой. Она спала обнаженной и когда поднялась, соски на ее маленьких грудях устремились прямо к лучу фонаря. Свет слепил ее голубые глаза.

Не было никакого обмена репликами, ни одного звука.

Просто он

нет!

навис над ней.

не хочу

Ночь снаружи шла своим путем: глазела на мир золотыми очами-монетами совы, на ветви ложились кошачьи тени. Звезды выстраивались в загадочный узор. Тишина несла в себе чье-то жуткое присутствие, будто самого бога возмездия.

В спальне все уже было кончено. Стены и постель окрасились алым, части тела девушки были разложены на постели. Голова щекой вниз — отдельно от тела. Из шеи торчало что-то, напоминавшее увядшие стебли растений над узким горлышком вазы.

Тишина. Поступь времени.

Потом что-то происходит.

Медленно, но ошутимо голова начинает двигаться,

я не хочу видеть этот сон

---

поворачивается лицом вверх, неловкими рывками поднимается и соединяется с перерезанной шеей. Глаза широко раскрываются,

я не хочу дальше смотреть этот сон

и она начинает говорить.

— Я больше не хочу видеть сны.

Доктор, крупный мужчина с густой шевелюрой и бородкой — то и другое белого цвета, — хмурится.

— Снотворное не избавит вас от снов, — сообщает он.

Авторучка зависает над рецептурным бланком, не решаясь приземлиться. Глаза врача внимательно вглядываются в Рульфо.

— Так вы говорите, что это один и тот же кошмарный сон?.. Можете его рассказать?

— Когда рассказываешь, все теряется.

— А вы все же попробуйте.

Рульфо отвел взгляд и заерзал на стуле:

— Это очень сложный сон. У меня не получится.

В кабинете не слышалось ни малейшего звука. Медсестра подняла на доктора беспокойно мигающие черные глаза, но тот не отрывал взгляда от Рульфо.

— С каких пор вы видите этот повторяющийся сон?

— Примерно две недели — не каждую ночь, но очень часто, почти каждую.

— Причина этого вам известна?

— Нет.

— И никогда раньше подобные сны вам не снились?

— Никогда.

Легкий шелест бумаги.

— «Саломон Рульфо» — странное у вас имя...

— Родители постарались, — без улыбки ответил Рульфо.

— Да уж, могу себе представить... — улыбнулся доктор. Улыбка его оказалась открытой и доброй, как и его лицо. — «Тридцать пять лет». Вы еще очень молоды... «Холост...» Ка-



кую жизнь вы ведете, сеньор Рульфо? Я хотел сказать, кем вы работаете?

— С конца лета я безработный. А вообще, я преподаватель, литературу преподаю.

— Как вы полагаете, то, что вы без работы, на вас сказывается?

— Нет.

— А друзья у вас есть?

— Есть немного.

— А подруги? Девушка?

— Нет.

— Вы счастливы?

— Да.

Опять пауза. Доктор отложил авторучку в сторону и провел по лицу руками — большими и тяжелыми. После этого вернулся к бумагам и задумался. Человек этот отвечает как автомат, как будто ничто его не интересует. Возможно, что-то скрывает, возможно, сны его связаны с неким событием, о котором он не желает вспоминать, но верно и то, что речь идет всего лишь о кошмарах. Сам же доктор каждый день принимает людей с проблемами куда более серьезными, чем несколько не очень приятных сновидений. Он решает дать пациенту несколько советов и отпустить его — и чем раньше, тем лучше.

— Видите ли, кошмарные сновидения не имеют серьезных клинических последствий, но в то же время они — признак некоего неблагополучия в нашем организме... или в нашей жизни. Снотворное в таких случаях — как мертвому припарки, уверяю вас, оно не поможет. Постарайтесь пореже прибегать к алкоголю, не ложитесь спать сразу после ужина, на полный желудок, и...

— Вы мне выпишете лекарство? — Рульфо остановил его мягко, однако его тон выдавал нетерпение.

— А вы не слишком-то разговорчивы, — произнес врач после небольшой паузы.

Рульфо выдержал его взгляд. Какое-то мгновение казалось, что один из них хочет что-то добавить, поделиться чем-то

с собеседником. Но секунду спустя оба отвели глаза: один уставился в пол, другой перевел взгляд на лежащие на столе бумаги. Ручка опустилась и забегала по рецептурному бланку.

Инструкция по применению рекомендовала прием одной таблетки перед сном. Рульфо проглотил две, запив их стаканом воды, налитой из-под крана в ванной. Из зеркала на него смотрел не очень высокий, но крепко сбитый парень с вьющимися черными волосами и бородкой, с приятными карими глазами. Саломон Рульфо нравился женщинам. Его привлекательности не портила даже некоторая неухоженность. По этой причине воображение пары-другой одиноких старух из обшарпанного дома, в котором жил Рульфо, огнем пылало, силясь воссоздать его темное прошлое. Откуда взялся этот молодой человек, который ни с кем не разговаривает и от которого постоянно разит алкоголем? Им было известно его имя («Саломон, Матерь Божия, вот бедняга!»), а еще то, что он устраивал вызывающие серьезное беспокойство попойки, что время от времени приводил проституток, что за свою маленькую квартирку на четвертом этаже, левая дверь, он расплатился наличными почти два года назад и что живет он один. Несмотря на все это, они предпочитали иметь в качестве соседа его, а не иммигрантов, заполонивших остальные квартиры в их многоэтажном доме на улице Ломонтано — узкой несуразной улочке вблизи Святой Марии Скорбящей, в самом центре Мадрида. Наиболее мрачно настроенные из них предсказывали тем не менее, что «бородач» рано или поздно нагонит на них страху. И добавляли, склоняясь к уху товарки: «Он похож на преступника». — «А вот я уверена, что он хороший человек», — выступала в защиту парня консьержка, ни в коей мере не оспаривая общей оценки его внешнего вида.

Рульфо вышел из ванной и остановился в столовой, решив прикончить остатки браги, доисторического подарка на день рождения от сестры Луизы. И напомнил сам себе, что нужно не забыть купить завтра виски. Собственно, позволить себе такую покупку он не мог, но после стихов и сигарет виски входило в перечень вещей, в которых он более всего

нуждался. Потом он отправился в спальню, разделся и улегся в кровать.

И этой ночью он тоже был один. Нельзя сказать, что одиночество его никогда не тяготило, но теперь, ко всему прочему, ему угрожали кошмары. Он понятия не имел, что они могли означать, к тому же механическое повторение сна вконец его доконало. Он был уверен, что это не более чем некая химера, фантазия, вынырнувшая из трясины его подсознания, но сон возвращался неотвратимо, ночь за ночью, вот уже две недели подряд. Связан ли он с чем-нибудь? «Он ни с чем не связан, доктор. Или со всем сразу. Зависит от того, как на это посмотреть».

Жизнь, которую он вел, сама по себе предполагала дурные сны, но самое серьезное, решающее произошло около двух лет назад. Абсурдным было бы считать, что именно сейчас он начинает платить по счетам той далекой трагедии. Сегодня в клинике он вдруг почувствовал искушение (неизвестно отчего) в первый раз в жизни довериться кому-нибудь и излить душу этому доктору. Но конечно же, он этого не сделал. Даже не решился рассказать ему сон. Подумал, что таким образом избежит не только ненужных вопросов, но и, кто знает, очень может быть, что и бесплатного направления в дурдом. Он знал, что не сошел с ума. Единственное, что ему было нужно, так это перестать видеть сны. Он предпочитал верить в таблетки.

Рульфо включил ночник на тумбочке, встал и решил почитать что-нибудь возвышенное, пока дремота не накроет его, подобно ласковой теплой волне. Принялся изучать книжные полки в спальне. Полки были забиты и в столовой, и в спальне. Стопки книг громоздились и возле ноутбука, и даже в кухне. Читал он везде и всегда, но только поэзию. Старушки с улицы Ломонтано никогда и не заподозрили бы, что в этом человеке живет такая страсть, но, что верно, то верно, страсть эта была родом из самой ранней юности Рульфо, а с годами только усилилась. Он изучал филологию и в свои хорошие времена (и когда они только были?) читал в университете курс по истории поэзии. Теперь же, погрузившись в одино-

чество, когда отец его умер, мать была обречена на вечное прозябание в доме престарелых, а три сестры оказались рассеяны по миру, поэзия продолжала служить единственным спасательным кругом. Он слепо цеплялся за нее, не обращая внимания ни на имя автора, ни даже на язык. Ему не требовалось понимать ее: он всего лишь наслаждался ритмом стихов и звучанием слов, даже если они были чужими.

«Георгики». Вергилий. Двухязычное издание. Да, книга была здесь. Он извлек ее из стопки, громоздившейся возле ноутбука, вернулся в постель, наудачу открыл томик латинских слов. Сонливости он все еще не ощущал и подозревал, что нервозность не позволит ему с легкостью соскользнуть в сон, несмотря на помощь фармации. Но он очень хотел, чтобы врач ошибся, чтобы пилюли не дали повториться абсурдному кошмару.

И продолжал читать. Шум машин за окнами стих.

Глаза его уже закрывались, когда послышался звук.

Что-то негромкое. Звук доносился из ванной. В общем, ничего странного: в этой жалкой квартирке паузы между мелкими происшествиями, когда что-нибудь — например, консоль или полка — отрывается и падает, не затягивались надолго. Он вздохнул, оставил книгу на кровати, поднялся и отправился в ванную. Дверь была открыта, внутри темнота. Он зашел и включил свет. И не обнаружил ничего, что оказалось бы не на месте. Раковина, зеркало, мыльница с куском мыла, унитаз, картинка с танцующими под звон бубенцов арлекинами, металлическая полка — все было как всегда.

Кроме шторки на ванне.

Она была невзрачной, из самых дешевых, но яркой — с броским узором из красных цветов. Шторка все та же. Однако ему помнилось, что, когда он видел ее в последний раз, она была отодвинута. А теперь — задернута.

Это его встревожило. Он подумал, что, быть может, его подводит память. Ведь вполне возможно, что, выходя из ванной, он задернул ее, хотя и не представлял, зачем это ему могло бы понадобиться. В любом случае оставалась надежда, что шум был вызван чем-то, что упало в ванну уже после того,

как он тронул шторку, например гель для душа. Он уже протянул руку, чтобы отодвинуть шторку и проверить свою версию. Но вдруг остановился.

Какой-то необъяснимый, почти несуществующий, почти виртуальный страх сковал его внутренности и низеньким частоколом поднял волоски на его коже. Он понял, что занервничал, причем безо всякого реального повода.

«Абсурд какой-то! Ведь сейчас я не во сне, я не сплю, это мой дом, и за этой шторкой нет абсолютно ничего, кроме ванны».

Он снова поднял руку, зная, что все будет как всегда, что он, может статься, и найдет там некий упавший предмет вроде геля для душа, а потом, убедившись, что все в порядке, вернется в спальню. Тут уже начнет действовать снотворное, он проспит спокойно всю ночь до рассвета и отдохнет. И Рульфо хладнокровно отодвинул шторку.

Там ничего не было.

Флакон с гелем для душа спокойно стоял на своем месте на полочке рядом с шампунем. Обе бутылки находились там вот уже несколько месяцев: Рульфо, правду сказать, не злоупотреблял тем, что имело отношение к личной гигиене. Но ничего здесь не падало — это точно.

И он решил, что шум донесся из соседней квартиры. Пожав плечами, он погасил свет в ванной и пошел обратно в спальню. На его постели лежало расчлененное женское тело: отрезанная голова расположилась между грудей, глядя на него мутными глазами, волосы, жесткие и влажные, будто перья морской чайки, извилистая, как червяк, струйка крови сбегает из уголка неподвижного рта.

— Помоги мне. Аквариум... Аквариум...

Рульфо делает шаг назад, помертвев от ужаса, и ударяется локтем о стену.

крик

Он не спал — нельзя было бодрствовать в большей степени: комната — его собственная спальня, ушибленный локоть болит. Он попробовал закрыть глаза

---

крик. темнота

и снова открыл их, но труп женщины остался там же («Помоги мне»), взывая к нему своим расчлененным на куски, будто в мясной лавке, телом («Аквариум»), разложенным на простынях.

Крик. Темнота.

Рульфо проснулся весь в поту. Он лежал на полу, как и большая часть постельного белья. Упав с кровати, он ушиб локоть. Руки судорожно сжимали помятый томик Вергилия.

— Мне стало хуже.

— Что ж, на этот раз снотворного не будет, так что, если вы пожелаете уйти, задерживать не стану, — торжественно объявил доктор Эухенио Бальестерос. Но лицо его не выражало ни тени недовольства, скорее, нечто благостное. — Однако же, если вы все-таки решитесь рассказать мне обо всем, быть может...

Бальестерос был высоким широкоплечим мужчиной с большой головой, увенчанной шапкой белоснежных волос, и с чуть более темной бородкой. Он не рассердился на Рульфо, хотя тот вновь появился в его кабинете на следующий же день, причем совершенно неожиданно, без записи и уже после окончания приема. В тот день прием Бальестероса был последним в расписании консультаций, предоставляемых врачами его специальности, и поликлиника закрывалась вскоре после окончания его работы. И он, вообще-то, уже отпустил медсестру. Но сам уходить не спешил. Он испытывал желание побеседовать с заинтриговавшим его персонажем.

Рульфо подробно рассказал свой сон: дом с белой колоннадой, двор, человек, который идет через сад и входит в дом, смерть женщин на первом этаже, возможно прислуги, жестокое убийство девушки наверху вкупе с леденящей кровью финальной сценой с участием говорящей и передвигающейся головы.

— Но вчера ночью она мне приснилась уже в моей квартире — мертвая, прямо у меня в постели. И она опять говорит

все о том же — чтобы я ей помог. И все время упоминает аквариум. Я знаю, что она имеет в виду аквариум с зеленой подсветкой, который я видел в холле того дома, тот самый, что стоит на деревянной подставке... — Рульфо отгрыз заусенец на большом пальце. — Это все. Вам же хотелось узнать о моем кошмаре. Вот вы знаете. А теперь помогите мне. Мне нужно лекарство по сильнее, чтобы оно усыпило меня на всю ночь.

Бальестерос пристально посмотрел на него:

— Вы когда-нибудь были в этом доме?.. Видели ли когда-нибудь раньше этого человека? Или женщину?

Рульфо отрицательно покачал головой.

— Можете ли вы связать сон с чем-нибудь, что произошло с кем-то из ваших знакомых?

— Нет.

— Саломон, — произнес Бальестерос, помолчав. Рульфо первый раз в жизни назвали по имени, и он в замешательстве уставился на врача. — Буду с вами откровенен. Я — не психиатр и не психолог, а семейный врач. Лично для меня решение вашей проблемы будет делом простым: направление к специалисту, затем всем хорошо известное ожидание первого приема или же еще более сильное снотворное — и я умываю руки. Проблема решена. Ко мне на прием приходит слишком много пациентов, и времени на кошмары у меня нет. Но вот что я вам скажу: человеческий организм тоже времени не теряет. Каждый симптом чем-то вызван, что-то стало его причиной. Даже кошмары необходимы, для того чтобы машина продолжала работать. — Он улыбнулся и изменил тон. — Знаете, что сказал мне как-то мой коллега? Что кошмары — это кишечные газы мозга. Пердеж мозгов, проще сказать, извините за грубость. Отходы чего-то вроде несварения. Но сами по себе они не важны. Благодаря им мы выводим наружу лишнее, то, что нам не нужно... К примеру, вы говорите, что никогда не видели ни дома с белыми колоннами, ни эту женщину, и я вам верю, но ведь может случиться, что вы ошибаетесь. Возможно, вы их когда-то где-то видели, а ваш мозг теперь их вспоминает. И этот аквариум. У вас когда-нибудь был аквариум?

— Нет, никогда. — Рульфо опустил глаза и на секунду задумался.

Бальестерос воспользовался моментом и взглянул на часы. Ему уже было пора уходить, поликлиника вот-вот закрывается. Но он решил немного задержаться. В конце концов, разве дома его кто-то ждет? Кроме того, этот пациент все еще был ему интересен. Тот факт, что он сидит в его кабинете и снизошел до разговора, он, такой всегда закрытый и немногословный, свидетельствует, по мнению доктора, о назревшей необходимости кому-то довериться. И Бальестерос подумал, что единственная помощь, которую он может оказать пациенту, — это дать ему выговориться.

— Вы мне сказали вчера, что живете один и друзей у вас не слишком много... А с девушкой какой-нибудь вы встречаетесь?

— Я, вообще-то, — внезапно произнес Рульфо, — пришел за более сильным снотворным. Не хочу заставлять вас терять время. Хорошего вам вечера.

Да, крепкий орешек, признал Бальестерос. Он смотрел, как Рульфо поднимается со стула, и вдруг ощутил что-то непонятное. Внезапно его охватила уверенность в том, что он не может, не имеет права дать ему уйти, что если этот пациент сейчас уйдет, то они оба — и пациент, и он сам — погибнут. Бальестеросу было пятьдесят четыре, и он уже знал, что бывают в жизни моменты, когда все зависит от одного лишь слова, сказанного вовремя. Он понятия не имел, что за резон скрывается за столь странным свойством этой жизни, потому что то самое спасительное слово вовсе не всегда было самым точным или самым разумным, но это было так. И он решил рискнуть. Рульфо уже протянул руку к книге, которую оставил на столике при входе в кабинет, но доктор опередил его, взяв томик, и заговорил:

— Поэтическая антология, Сернуда...<sup>1</sup> Черт возьми! Вы любите поэзию?

---

<sup>1</sup> *Сернуда Бидоу Луис* (1902–1963) — выдающийся испанский поэт и литературный критик, представитель так называемого поколения 1927 г.



— Очень люблю.

— И вы — поэт?

— Писал кое-что, но, вообще-то, я преподаватель, я же вчера сказал.

— Ну если вы писали стихи, то вы тоже поэт, не так ли?

Рульфо ответил уклончивым жестом, и Бальестерос продолжил:

— Уф, а я, должен признаться, просто не способен читать такие вещи. Правду сказать, встретить кого-то, чьим обычным чтением были бы стихи, — это редкость, вы так не думаете? Скажите честно, ну кто в наше время читает стихи? Впрочем, моей жене — да, нравилось. Не так чтобы совсем захватывало, но больше, чем мне...

Он говорил, листая книгу, словно обращался вовсе не к Рульфо. Но все же краешком глаза видел, что тот не двигается. Доктор не знал, слушает его Рульфо или нет, но это его ничуть не беспокоило: ему удалось приоткрыть потайную дверь, и парень имел теперь возможность заглянуть ему в душу, а уж если он отвергнет эту возможность, то дело его. И он продолжал говорить, будто бы сам с собой:

— Я вдовец. Жену мою звали Хулия Фреснеда. Она погибла четыре года назад, в автокатастрофе. За рулем был я, но не пострадал, зато мне довелось увидеть, как она умирает. Мы прожили вместе почти тридцать лет, были счастливы, трое детей, все уже взрослые, живут отдельно. Наши отношения были не всепоглощающей поэтической, если можно так выразиться, страстью, а тихой и спокойной радостью, вот как оттого, что точно знаешь, что завтра взойдет солнце. С тех пор как она умерла, у меня время от времени бывают кошмары. Но, заметьте, она мне никогда не снится. Иногда это птицы, которым почему-то хочется выклевать мне глаза, иногда — звезды, которые превращаются в глаза монстров... А Хулия — никогда. Она, бедняжка, никогда не внушала мне страх. Но именно ее смерть стала причиной этих кошмаров. Поверьте мне, это «пуканье» нашего разума. Никакой значимости в них нет, — прибавил он, хотя внешне выглядел взволнованным.

Повисло молчание. Рульфо вновь опустился на стул. Бальестерос оторвал глаза от книги и перевел взгляд на него:

— С вами тоже что-то случилось. Я это знаю, по вам видно... Вчера, когда я увидел вас впервые, я осознал, что вы, как и я... В общем, прошу прощения, если я ошибаюсь... Я понял, что на вас тоже давит груз тяжелых воспоминаний... Я вовсе не претендую на то, чтобы вы мне о них рассказывали, я всего лишь хочу сказать, что кошмары могут возникать по этим причинам. И уверяю вас, что вовсе не важно, сколько времени прошло: трагедии всегда молоды.

Внезапно Рульфо почувствовал, что мир вокруг него куда-то поплыл: фигура Бальестероса, стол, лампа на нем, кушетка, аппарат для измерения давления,

дождь

плакат на стене с изображением тела человека. Все потемнело, контуры размывались. Он почувствовал, что у него горит лицо, а в горле першит. Понять, что с ним происходит, он не мог. И прежде чем смог осознать происходящее, оказалось, что он говорит:

— Ее звали Беатрис Даггер. Даггер, с двумя «г». Мы познакомились четыре года назад.

дождь все идет и идет

Она умерла два года назад...

Дождь не прекращался.

Тем не менее Рульфо удалось увидеть далекий блеск звезд за широким окном спальни, он различал его даже сквозь дождевые капли. Как-то раз Беатрис говорила ему что-то о сочетании дождя и звезд, но что именно — он подзабыл. К счастью это или к несчастью? Но вот что он помнил очень хорошо, так это поцелуй: как она прикоснулась губами к его лбу на прощанье — спокойный, почти материнский поцелуй, ничего общего с его страстью. И ее слова. «Раскисший ты

мой», — сказала она — именно этими словами. Ему следовало беречь себя, пока она не вернется, а вернется она очень скоро. Ей только нужно съездить в Париж, полистать там несколько «толстых томов» по теме диссертации, что-то из области эмоциональных реакций на различные стимулы. Ничем не примечательная поездка, не более трех дней. Месяц назад ему уже пришлось съездить с ней в Лёвен, да и во Флоренцию. Они старались не расставаться. Но в тот ноябрьский день Рульфо болел, подхватив жуткую простуду, и Беатрис недовольно нахмурилась, когда он, несмотря на свое состояние, стал настаивать на том, что тоже поедет.

— Об этом не может быть и речи. Ты совсем раскис. И останешься дома. Я скоро вернусь и буду тебя лечить.

С тех пор как они познакомились, та ночь была, насколько он помнил — а ему казалось, что помнил он хорошо, — первой, которую они провели не вместе. И вдруг, подумав об этом, он сообразил, какое было число, и сразу же пожалел, что не заглянул в календарь раньше: он почти поддался искушению позвонить ей в Париж, хотя было уже довольно поздно и ему совсем не хотелось разбудить ее.

В тот день исполнялось ровно два года с тех пор, как они увидели друг друга в первый раз.

Это произошло на вечеринке, которую он устроил по случаю покупки квартиры в районе Аргуэльес. Пришли почти все его друзья и многочисленные знакомые, а также сестра Эмма. Она, вообще-то, жила с одним молодым художником в Барселоне, но как раз в те дни проездом оказалась в Мадриде. Рульфо был рад всей этой толпе, заполонившей его новую квартиру, хотя отсутствие Сусаны Бласко, его подруги, было заметно и довольно для него болезненно. Однако Сусана жила теперь с Сесаром, и Рульфо уже несколько месяцев с ней не встречался.

Несмотря на это все, он находился в прекрасном расположении духа, готовый воспользоваться любым шансом, любой возможностью. Не имея ни малейшего понятия, о чем могла идти речь. Потом они вместе смеялись (о, этот ее хрустальный смех, который словно выплескивался изо рта),

вспоминая, что виновником всего последующего оказался Купидон. В сверкающей новенькой гостининой Рульфо было несколько статуэток, и одна из них, стоявшая на стеллаже, изображала маленького Купидона с туго натянутым луком и стрелой, направленной в никуда, в воздух, — подарок Эммы, страстной почитательницы классического искусства. По непонятной причине Рульфо, до тех пор неизменно выступавший в роли всем довольного хозяина дома, на секунду остановился возле этой статуэтки и невольно проследил взглядом заданное стрелой направление. И обнаружил по тонкой и зыбкой прямой — пустому коридору между гостями, в самом его конце — чью-то спину. Купидон целился точнехонько в нее. Спина в бежевом пиджаке принадлежала высокой девушке с темно-каштановыми волосами, собранными в хвост, и со стаканом в руке. Она с отрешенным видом изучала его коллекцию поэтических сборников.

Первым, что привлекло его внимание, было то, что он не мог припомнить, кто она такая и знакомы ли они вообще. Заинтригованный, он двинулся к ней. И в это же время она обернулась. Они, улыбаясь, посмотрели друг на друга; он представился первым.

— Мы не знакомы, — сказала ему Беатрис тем самым голосом, который он будет слышать потом так часто и который вытеснит молчание вокруг него. — Я только что пришла. Я подруга подруги одного из твоих друзей... Мне рассказали об этой вечеринке, и мне захотелось пойти с ними. Ты не против?

Против он ничего не имел. Ей было двадцать два года, отец ее был немец, а мать — испанка, других родных у нее не было. В Мадриде она изучала психологию и как раз тогда начинала писать диссертацию. Тут же они выяснили, что у них много общего, в том числе страсть к поэзии. Два месяца спустя Беатрис оставила тесную студенческую квартиру, которую снимала вдвоем с подругой, и переехала к нему. И прочла ему свое письмо, адресованное родителям, жившим тогда в Германии, в котором сообщала им, что встретила «лучшего в мире мужчину». С того самого момента в жизни обоих воцарилось счастье.

Он вспоминал Купидона, когда зазвонил телефон. Вскочил. Температура явно поднялась. Дождь за окном прекратился, и звезды исчезли.

Телефон все звонил.

Каким-то образом он догадался, что этот звонок вот-вот перевернет его жизнь.

Дрожащей рукой он снял трубку.

— Это был сотрудник испанского посольства в Париже. Ее родители дали ему мой номер и попросили меня извещать. Он сказал, что все произошло очень быстро. — Подняв глаза, Рульфо взглянул на доктора. — Она поскользнулась в ванне в гостиничном номере, ударилась головой и потеряла сознание... В ванне была вода, и она захлебнулась. Романтическая смерть, не так ли?

— Все смерти вульгарны, — ответил Бальестерос без тени иронии. — Продолжение жизни — вот что романтично. Но вы обратили внимание на детали? Ванна, аквариум...

— Да. Я только что вспомнил, что прошлой ночью мне снилось, будто я слышал какой-то шум в ванной, как раз перед тем, как передо мной появилась мертвая женщина.

— Теперь вы понимаете, что я хотел сказать, говоря об «отходах» мышления? И ванна, и аквариум — это одно и то же: нечто, наполненное водой. Сейчас середина октября, в следующем месяце будет два года со дня ее смерти, и ваш мозг уже начал отмечать эту дату — за ваш счет. Только не позволяйте ему загнать себя в угол. Вы не виновны в том, что случилось, хотя я готов допустить, что вы не поверите мне. Вот это и есть тот первый демон, которого мы должны изгнать. Мы не виноваты. — Он развел в стороны большие руки, охватывая невидимое глазу пространство. — Они уже ушли, Саломон, и это все, что нам известно. Наш долг — сказать им «прощай» и пойти дальше.

Через какое-то мгновение, наполненное тишиной, Рульфо в первый раз почувствовал на щеках скользившие капли. Он вытер слезы рукавом и поднялся:

— Хорошо. Больше я вас не побеспокою.

— Не забудьте свою книгу, — напомнил Бальестерос. — И приходите, когда возникнет желание. Никакого беспокойства.

Они пожали друг другу руки, и Рульфо вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Не успев добраться до своей квартиры на улице Ломонтано, Рульфо обнаружил, что голова его яснее, чем когда бы то ни было. Быть может, все, что ему требовалось, — это поговорить по душам, как это вышло с Бальестеросом. Со времени смерти Беатрис его одиночество нарастало крещендо: он оставил преподавательскую работу, продал квартиру в Аргуэльесе и разорвал контакты с самыми старыми и верными друзьями. Только Сесар и Сусана звонили ему время от времени, но после всего, что между ними произошло, реанимировать эту дружбу казалось невыполнимым.

«Они ушли. Наш долг — сказать им „прощай“ и пойти дальше».

Склонность к импульсивным решениям была частью его натуры. В ту минуту он пообещал себе найти постоянную работу. До тех пор некая неодолимая апатия мешала ему взяться за решение проблемы трудоустройства с необходимой энергией. Однако он был уверен, что если возьмется за дело, то сможет найти достойное его способностей место. Полученная по наследству после смерти отца небольшая сумма стремительно таяла, да и от денег, вырученных за проданную квартиру, уже ничего не оставалось. С другой стороны, сама мысль о том, чтобы одолжить денег у сестер, казалась отвратительной. Пора было шевелиться, но до этого самого дня он не находил в себе сил. А теперь почувствовал внутри импульс к обновлению.

«Они ушли, и это все, что нам известно».

Остаток дня Рульфо провел за компьютером, обновляя свое резюме, потом распечатал несколько экземпляров. Хотел сделать еще пару телефонных звонков, но взглянул на часы и решил отложить до завтра. Он принял душ, разогрел

**Сомоза Х. К.**

С 17 Дама номер 13 : роман / Хосе Карлос Сомоза ; пер. с исп. Е. Горбовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-13356-3

Слова, слова, слова... Невесомые обозначения предметов, чувств, явлений; слова обыденные, бедные, возвышенные, лукавые, сплетающиеся в строки и строфы, оценивающие и соблазняющие... Они обладают невероятной силой воздействия и могут оказаться опасными, даже убийственными.

Замечательный испанский писатель Хосе Карлос Сомоза, лауреат множества литературных премий, в увлекательном романе, мрачном и вдохновенном одновременно, предлагает погрузиться в стихию поэзии, которой управляют владычицы слов и снов — загадочные дамы. Роли двенадцати из них определены, но существует и таинственная тринадцатая...

Может быть, именно она виновна во множестве странных и страшных явлений, свидетелями и невольными участниками которых становятся преподаватель литературы Саломон Рульфо и Ракель, девушка по вызову?

*Впервые на русском языке!*

УДК 821.134.2  
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ХОСЕ КАРЛОС СОМОЗА  
ДАМА НОМЕР 13

Ответственный редактор Елена Адаменко  
Редактор Елена Светозарова  
Художественный редактор Вадим Пожидаев  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Компьютерная верстка Ирины Варламовой  
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 15.11.2017. Формат издания 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»  
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)  
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,  
комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)



V-BRN-21508-01-R



ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ  
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

[www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru),

[www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

[www.azbooka.ru/new\\_authors/](http://www.azbooka.ru/new_authors/)